

РОДОСЛОВНАЯ БЛАГОДАТИ

Трансин Ливерс

Вирсавия

НЕПОДСУДНАЯ

5-е издание

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург
Издательство «Виссон»
2022

*Женщинам, которые потеряли свое доброе имя.
Бог способен возродить красоту из праха.*

Предисловие

Дорогие читатели,

Перед вами четвертый роман из пяти, написанных о женщинах, чьи имена вошли в родословие Иисуса Христа. Это восточные женщины, жившие в древние века, и тем не менее истории их жизни сопоставимы с нашей жизнью и помогают разрешать трудные вопросы, с которыми сталкиваемся и мы. Они словно скользили по лезвию ножа. Они были мужественны. Они рисковали. Они удивляли. Они дерзали и иногда совершали ошибки, большие ошибки. Эти женщины не были совершенны, однако Бог по Своей бесконечной милости использовал их в Своем совершенном замысле рождения Христа, Спасителя мира.

Мы живем в отчаянные, тяжелые времена, когда миллионы людей пытаются найти свой путь в жизни. Эти женщины указывают правильный путь. Уроки, которые можно извлечь из историй их жизни, так же актуальны сегодня, как и тысячи лет назад.

Фамарь — женщина надежды.

Раав — женщина веры.

Руфь — женщина любви.

Вирсавия — женщина, обретшая благодать.

Мария — женщина послушания.

Все эти женщины — исторические личности, некогда жившие в странах Востока. Их истории рассказаны мной на основании библейского повествования. Некоторые их поступки могут показаться нам странными, однако мы должны рассматривать их в контексте того времени, в которое жили эти женщины.

Эта книга написана в жанре исторического романа. Основная линия повествования была заимствована мною из Библии, и я отталкивалась от фактов, которые представляет эта Книга. На этом фундаменте я создавала сюжет, диалоги, а в некоторых случаях дополнительные характеры, которые, как я считаю, вполне соответствуют библейскому повествованию. Я старалась ни в чем не отходить от Священного Писания, добавляя только то, что необходимо для лучшего его понимания.

Родословие Благотати

Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова,
Сына Авраамова.
Авраам родил Исаака;
Исаак родил Иакова;
Иаков родил Иуду и братьев его;
Иуда родил Фареса и Зару от *Фамари*;
Фарес родил Есрома;
Есром родил Арама;
Арам родил Аминадава;
Аминадав родил Наассона;
Наассон родил Салмона;
Салмон родил Вооза от *Рахавь*;
Вооз родил Овида от *Руфи*;
Овид родил Иессея;
Иессей родил Давида царя;
Давид царь родил Соломона от бывшей
за *Уриею* [*Вирсавиц*] (дополнено мною. — Ф. Р.);
Соломон родил Ровоама;
Ровоам родил Авию;
Авия родил Асу;
Аса родил Иосафата;
Иосафат родил Иорама;

Иорам родил Озию;
Озия родил Иоафама;
Иоафам родил Ахаза;
Ахаз родил Езекию;
Езекия родил Манассию;
Манассия родил Амона;
Амон родил Иосию;
Иосия родил Иоакима;
Иоаким родил Иехонию и братьев его
перед переселением в Вавилон.
По переселении же в Вавилон, Иехония
родил Салафииля;
Салафииль родил Зоровавеля;
Зоровавель родил Авиуда;
Авиуд родил Елиакима;
Елиаким родил Азора;
Азор родил Садока;
Садок родил Ахима;
Ахим родил Елиуда;
Елиуд родил Елеазара;
Елеазар родил Матфана;
Матфан родил Иакова;
Иаков родил Иосифа, мужа *Марии*,
от Которой родился Иисус, называемый Христос.

Мф. 1:1-16

Место и время действия

Могущественный царь Израиля, Саул, боялся простого пастуха, Давида, потому что Господь благословил этого юношу. Бог наделил Давида даром завоевывать души людей. Когда Давид говорил, его слушали. Когда он плясал, девичьи сердца замирали. Когда он пел, мужчины, женщины и дети открывали Богу свои сердца и возносили Ему хвалу.

Когда Давид бежал от лютой зависти Саула в пустыню, за ним последовало несколько сотен людей: одни были недовольны своей жизнью, другие искали убежища от набегов филистимлян, третьи не хотели больше подчиняться царю, которому не доверяли. Они жили в пещерах Адоллама и Ен-Гадди. Среди праведных мужей, которые тосковали по тем дням, когда Бог был верховным Вождем Израиля, были и такие, кому просто нравилось убивать и грабить.

Зависть Саула к своему воображаемому сопернику усиливалась и стала причиной того, что в народе произошел раскол. Но Давид оставался верным и покорным царской

власти. Он не хотел силой лишать Саула царского венца и в смирении ждал, когда Бог вступится за него.

Между тем число сторонников Давида росло: от двухсот воинов до четырехсот, а потом и до шестисот. Среди них было тридцать доблестных мужей, это были лучшие из воинов, доказавшие свою храбрость и преданность. Давид сплотил их, и они держались вместе, как одна семья, полные решимости защитить ото всех врагов то, что им принадлежало. И неважно, кто был этим врагом: царь Израиля, отступивший от Бога, или войско язычников, окружавших их.

Эти храбрые мужи пришли к Давиду не одни. Они привели с собой своих жен, сыновей и дочерей.

Среди людей, следовавших за Давидом, была маленькая девочка по имени Вирсавия...

Глава первая

Устроившись на коленях у бабушки, Вирсавия отламывала кусочки хлеба и кормила его. Ахитофел, смеясь, ел из рук внучки.

— Она с каждым днем становится все больше и больше похожа на свою мать, Елиам.

Отец Вирсавии, слегка нахмурившись, наблюдал за ними.

— Трудно поверить, что она так быстро растет. Ей уже восемь лет. Скоро мне надо будет искать для нее мужа.

— Сильного мужа, чтобы он мог защитить молодую красивую жену.

Девочка посмотрела на мужчину, сидевшего по другую сторону костра, который, казалось ей, был подобен ангелу. Она дернула бабушку за тунику и шепотом поведала ему свое сердечное желание:

— Я хочу выйти замуж за Давида.

Ахитофел громко рассмеялся и взглянул на красивого молодого человека, о котором говорила Вирсавия.

— Давид, вот еще одна девица, чье сердце ты покорил.

Вирсавия вспыхнула, когда мужчина, которого она боготворила, удивленно посмотрел на ее бабушку, не понимая, о чем идет речь. Бабушка поцеловал ее в щеку.

— Забудь Давида, Вирсавия. У него уже три жены, дорогая.

Когда Ахитофел заглянул ей в глаза, улыбка исчезла с его лица. Ее сменило выражение спокойной задумчивости.

— Лучше быть единственной женой бедняка, чем одной из многих в царском гареме, — поучающе произнес он.

— Вирсавия, иди в шатер! — позвала ее мать.

Отец снял девочку с колен деда, поставил ее на землю и, шутливо шлепнув, направил к матери. Когда Вирсавия остановилась, чтобы оглянуться на Давида, мать схватила ее за руку и втолкнула в шатер, опуская за дочкой полог.

— Пора спать.

Она прошла за Вирсавией, и когда та легла в постель, укрыла ее шерстяным одеялом. Опустившись на колени, мать наклонилась и поцеловала девочку. Встревоженная, она убрала со лба дочери пряди черных волос.

— Некоторые мечты могут только разбить сердце, Вирсавия.

Вирсавия

— Но я...

Мать прикрыла ее рот ладонью.

— Все, хватит, дочка, — она грациозно поднялась с колен. — Спи.

Вирсавия лежала без сна, прислушиваясь к низким голосам мужчин, тихо разговаривающих снаружи. К сидящим у костра присоединились другие воины. Она узнала голоса Иоава и его брата Авессы. Оба они были военачальниками в армии Давида и часто приходили посоветоваться с ее бабушкой, умным и проницательным стратегом. Его советы ценил даже Давид. Ахитофел хорошо изучил филистимлян и аммонитян, их методы ведения боя. А хананскую землю он знал, как свои пять пальцев.

— Давид, сегодня Саул был в наших руках, — сказал Иоав. — Тебе следовало убить его, коли уж подвернулся такой удобный случай.

Авесса тут же поддержал брата:

— Да, тебе надо было убить Саула! Сегодня Сам Бог предал его в наши руки, когда он вошел в пещеру, где мы отдыхали. Я перерезал бы ему глотку ради тебя.

— Я уже говорил, почему не хочу убивать его, — отозвался Давид. — Саул — человек, которого Господь Бог помазал на царство.

— Но Саул будет преследовать тебя, — возразил Иоав, — до тех пор пока один из вас не умрет.

— Для народа было бы лучше, если бы ты сегодня забрал у Саула царский венец, — заявил другой воин.

Вирсавия услышала одобрительные возгласы мужчин, сидевших около отцовского костра.

— Порази пастыря, и овцы рассеются, — гнул свою линию Иоав.

— Что мне с вами делать, сыны Саруины? — сурово произнес Давид. Вирсавия знала, что он был раздражен поведением Иоава и Авессы. — Сколько раз я должен повторять вам, что не подниму руки на помазанника Божьего!

Вирсавия услышала звук удаляющихся шагов.

— Я не понимаю его, — в замешательстве произнес Иоав. — Вразуми его, Ахитофел!

— Что выиграл бы Давид, если бы сегодня убил царя в пещере, когда тот повернулся к нему спиной, чтобы справить нужду? — ее бабушка спокойно спросил возмущенных молодых воинов. — Когда Саул вышел на дорогу и услышал, что из пещеры, в которой он только что был, его зовет Давид, он понял, что Давид мог убить его, однако позволил ему уйти, ущемив при этом его гордость. Разве поступил бы так человек, который жаждет завоевать царство Саула? Конечно, нет! Теперь каждый, кто служит Саулу, знает, что Давид честный человек! И знает, что Давид дал царю возможность раскаяться!

— Раскаяться! Сердце Саула скоро снова запылает огнем, и он бросится за Давидом. Неужели мы должны щадить человека, который приказал умертвить в Номве восемьдесят пять священников с их семьями?

— Предоставь Господу судить Саула. Давид поступает правильно.

— Ты знаешь не хуже меня, что пока Саул дышит, он будет преследовать Давида!

— Я знаю также, что Бог победит, Иоав. Бог, а не мы, однажды сделает Давида царем. Всем управляет Господь. Каждый день к нам присоединяются новые люди. Почему? Они верят, как и мы, что Бог сопровождает Давида везде, куда бы он ни пошел. Филистимляне, аммонитяне и амаликитяне не могут победить человека, щит которого — Господь Бог Израилев.

— Я хочу видеть царский венец на голове Давида!

— Как и мы все, Иоав. Но пусть это произойдет во время, предназначенное Богом, и не раньше.

Мужчины продолжали разговаривать. Веки девочки отяжелели, и она уснула. Ей снился Давид, одетый в царские одежды и протягивающий ей руку. Вдруг какой-то шум разбудил Вирсавию. Она осталась лежать и прислушалась. Вдалеке кричали мужчины. Вероятно, опять спорили. Вирсавия услышала знакомые голоса. Она встала на колени и сквозь маленькую щель в стене шатра постаралась рассмотреть, что происходило у костра. Давид вернулся и теперь в мерцающем свете пламени разговаривал с ее отцом и дедушкой.

— Надо убедить филистимлян, что мы на их стороне, — говорил Давид. — Когда в бою они начнут теснить Саула, мы атакуем их и поможем Саулу победить.

Дедушка был хмур и сосредоточен.

— Сколько людей ты планируешь взять? — спросил он Давида.

— Всех.

— А кто будет защищать женщин и детей?

Разглядывая Давида, Вирсавия погрузилась в мечты. Ей нравилось, как он наклонял голову, внимательно слушая Ахитофела. Она изучала каждую черточку лица своего избранника.

Мужчины снова начали кричать. С тихим стоном повернулась на своей постели мать. Вирсавия опять посмотрела на улицу. Давид повернул голову в сторону, откуда доносился шум. Его взгляд стал напряженным.

— Этих людей слишком много, я не могу управлять ими!

Дедушка сидел, зажав руки между коленями.

— Они как стадо овец, которому нужен сильный пастырь.

— Иногда они больше похожи на стаю волков! — Давид потрянул головой и встал. — Я должен успокоить их. Вздыхнув, он пошел прочь.

— Я не понимаю его, — сказал Елиам, кидая камушки во тьму. — Почему он спасает Саула, ставя под угрозу свою собственную жизнь?

— Ты забыл, что Ионафан, сын Саула, самый близкий друг Давида? А первая жена Давида — дочь Саула.

— Отец, Ионафан предпочел держаться в стороне, и Мелхола опозорена. Саул отдал ее другому мужчине. Давид живет надеждой, что все изменится и будет как прежде, когда Саул не был одержим страхом и ревностью. Но этого никогда не случится.

Дедушка палкой помешал угли в костре.

— Иоав дал злой совет. Да, смерть Саула положит конец этой войне и возведет Давида на трон, но если Давид убьет помазанника Божьего — ему не будет благословения. Ах, сын мой, Давид живет, следуя заповедям Божьим. Он любит Господа, — Ахитофел взглянул на небо, щеки его пылали. — Если бы каждый из нас имел сердце Давида, то какое бы царство Всевышний построил для нас, — бросив палку в костер, он поднялся на ноги. — Ну, пойдем к нашим друзьям, послушаем, что Господь повелел Давиду сказать на этот раз.

Вирсавия знала, что Давид не будет кричать на своих воинов или вступать с ними в пререкания. Он будет просто сидеть рядом с ними и петь. И спустя какое-то время сквозь крики мужчин девочка услышала звуки арфы Давида. Он играл чудесную успокаивающую мелодию, и яростный спор воинов затихал. Наконец, гневные голоса смолкли. Сделав щель пошире, Вирсавия попыталась лучше разглядеть то, что происходило на улице. Ее дедушка всегда говорил, что Давид черпал свое вдохновение в Боге, поэтому его песни были способны поднять дух народа и обратить людей от мелочных распрей к пониманию величия

Божьего и благословений, изливаемых Им на Свой избранный народ. Вирсавия часто слышала игру и пение Давида, но они не надоедали ей.

Мать спала. Что плохого в том, что она выскользнет из шатра и подберется поближе, чтобы все слышать и видеть? Вирсавия пролезла под полог и поспешила к мужчинам, собравшимся около костра. Сев на корточки, она обхватила руками колени. При виде Давида ее сердечко затрепетало, в свете костра его красивое лицо отливало бронзой. Никто во всем мире не был так прекрасен, как Давид, ее любимый.

— О Господь, наш Господь, величие имени Твоего наполняет землю! — прозвучал в ночи голос Давида.

Он отвернулся, и его следующие слова Вирсавия не расслышала. Она поднялась и подошла поближе. Слушая Давида, мужчины один за другим усаживались на землю и устраивались поудобнее, они не спускали с него глаз, покоренные его вдохновенным пением. В его песне было больше силы и веры, чем в молитве любого священника. Давид, окруженный своими людьми, остановился и поднял голову, без слов напевая мелодию, от которой болезненно сжалось сердечко девочки. Затем к нему снова пришли слова.

— Когда я смотрю на ночное небо, на дело перстов Твоих, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, сыны человеческие, что ты заботишься о нас?

Теперь все молчали, наблюдая, как Давид склонил голову и перебирал пальцами струны арфы. Музыка и слова были столь проникновенными, что Вирсавии казалось, будто он перебирает струны ее сердца.

— Не много Ты умалил его перед ангелами, увенчал его славою и величием. Ты поставил его владыкою над делами рук Твоих, все положил под его ноги: овец и волов, всех зверей полевых, птиц небесных и рыб морских, все, переходящее морскими стезями, — Давид в недоумении покачал головой и снова посмотрел на звезды, лицо его выражало восторг. — О, Господи, Боже наш, величественно имя Твое по всей земле!

Он взял еще несколько аккордов на своей арфе и медленно поднял руки, вознося хвалу Богу всей земли.

Вокруг было тихо, так тихо, что Вирсавия могла слышать биение собственного сердца.

— Спой еще, Давид, — попросил Ахитофел.

Другие присоединились к его словам.

— Спой нам о Господе!

Вирсавия встала, прокралась в толпу собравшихся и устроилась поближе к дедушке, чтобы согреться рядом с ним.

— Что ты здесь делаешь? — сердито прошептал Ахитофел и обнял внучку, крепче прижимая ее к себе.

— Я обязательно должна послушать, но я замерзла, — дрожа от холода, Вирсавия умоляюще посмотрела на дедушку. — Пожалуйста, дедушка, совсем немножко...

— Ты знаешь, что я не могу сказать тебе «нет», — ответил Ахитофел и укрыл ее своим плащом. — Одну песню.

Давид запел другой псалом, который Вирсавия уже слышала много раз. Его красивое лицо было освещено пламенем костра, а слова его песни вливались в ее жаждущую душу. В отличие от многих мужчин, окружавших Вирсавию, Давид не любил воевать. Он стремился к миру. Он просил у Бога помощи, милости и избавления от врагов. Какой была бы жизнь, если бы не было преследующего его царя, филистимлян и аммонитян, совершающих набеги амаликитян? Вирсавия посмотрела на отца, он наклонился вперед, внимательно слушая Давида, глаза его были влажными от слез. Сколько раз она слышала, что Бог защитит их дело? Бог укроет их в скалах и в пещерах Ен-Гадди и Адоллама. Бог подкрепит их пищей и водой. Бог даст им победу над всеми врагами. Почему? Потому что они были с Давидом, а Давид не делал ничего, не спросив прежде у Бога. Давид в своих песнях молился Богу, и Господь слушал его.

Давид сделал несколько шагов и на мгновение остановился, опустив голову. Его глаза были закрыты. Вирсавия наблюдала, как нежно он перебирал струны, тихо наигрывая мелодию, которая заставляла ее сердце сжиматься от боли. Он поднял голову, переводя взгляд с одного лица на другое. Видел

ли он ее? Заметил ли он ее, сидящую между отцом и дедушкой?

— Господь — Пастырь мой, и я ни в чем не буду нуждаться...

Когда взгляд Давида задержался на лице Вирсавии, ее сердце остановилось. Она, затаив дыхание, посмотрела на него, но его взгляд двигался дальше, касаясь каждого человека, как если бы все были одинаково дороги ему. Вирсавия была подавлена силой своей любви к Давиду и удручена тем, что он вряд ли заметил ее среди множества преданных ему людей.

Ты мой пастырь, Давид. Ты заставляешь меня желать того, чему я даже не знаю названия. Ты ведешь нас через пустыню, но я не боюсь, потому что ты с нами. Я все сделаю ради тебя...

Кто-то крепко схватил девочку за плечо, напугав ее.

— Вирсавия! — гневно прошептала мать.

— Ну, тебя опять поймали, — тихо сказал дедушка, стягивая с внучки плащ.

Нахмурившись, мать взяла дочь на руки и понесла ее прочь, на полпути к их шатру она опустила девочку на землю.

— Тебе повезло, что я не отстегала тебя розгой!

Опустив глаза, Вирсавия шла за матерью. Мать с шумом отбросила полог шатра.

— Входи! — шлепнув дочку, мать втолкнула ее внутрь шатра. — Я не могу быть уверена, что ты останешься там, где тебе положено находиться, поэтому ты будешь спать

рядом со мной, пока не вернется отец, — мать притянула Вирсавию к себе. — Ты знаешь, что лучше послушаться.

Вирсавия захлюпала носом.

— Прости, мама. Я действительно люблю его.

Мать вздохнула.

— Я знаю. Мы все любим Давида.

— Но не так, как я. Когда-нибудь я выйду за него замуж.

Мать обняла Вирсавию.

— О, моя дорогая, каждая девушка мечтает об этом. Послушай меня, Вирсавия. Ты желаешь невозможного. Это пустые детские мечты.

— Почему?

— Потому что Давид тебе не пара.

Слезы сдавили горло девочки.

— Он был пастухом.

— Он и сейчас пастух, но не такой, как все. Ты еще маленькая, чтобы понять это. Вирсавия, ты должна усвоить раз и навсегда: Давиду предназначено быть царем, и как царь он женится на царских дочерях. А ты всего лишь дочь одного из его солдат.

— Отец — воин, один из лучших воинов Давида и один из его ближайших друзей. А дедушка...

— Все, хватит! Запомни, Давид все-таки женат на дочери Саула, Мелхоле, хотя отец и отдал ее кому-то другому. Кроме того, у него есть еще Авигея и Ахиноама.

— Авигея не царская дочь, — упрямо заявила Вирсавия.

— Да, но Авигея удержала Давида от великого греха. Он благодарен ей за ее мудрость. К тому же она очень красивая.

— Как ты думаешь, а я когда-нибудь стану красивой, настолько красивой, что Давид...

— Когда-нибудь ты станешь очень красивой и, надеюсь, поумнеешь. По крайней мере, будешь достаточно умной, чтобы понять, что некоторым мечтам не суждено сбыться. Твой отец найдет тебе хорошего мужа, и ты забудешь, что когда-то была влюблена в Давида.

Никогда! Никогда, никогда, никогда! Вирсавия смахнула слезы и отвернулась от матери.

— Дорогая, когда ты вырастешь, ты поймешь, что поклоняться следует Богу, а не человеку, — сказала ей мать.

Вирсавия лежала тихо, пока не услышала глубокое и ровное дыхание матери. Она осторожно освободилась из ее рук и отползла в другой конец шатра, чтобы еще раз выглянуть наружу. Отец и дедушка вернулись к костру, с ними снова был Давид. Они тихо обсуждали план боя. Вирсавия закрыла глаза и прислушалась к звуку голоса Давида. Успокоенная, она незаметно уснула.

* * *

Проснувшись на следующее утро, Вирсавия увидела, что лежит на своей постели, под своим одеялом. Рядом с матерью храпел отец. Девочка бесшумно встала и вышла из шатра. Обычно к этому времени Давид уже поднимался. Он всегда

вставал раньше всех и уходил из лагеря, чтобы в молитве побыть наедине с Богом. Вирсавия несколько раз видела, как Давид возвращался от потока Ен-Гадди, поэтому она и поспешила именно туда. Ее сердечко забилось, когда она увидела своего избранника, стоявшего на коленях возле заводи и умывавшего лицо и руки. Ее отец и дедушка, прежде чем помолиться, делали то же самое.

Под ее ногами с тихим шуршанием вниз по склону посыпалась галька. Давид резко обернулся. Его взгляд был напряжен, рука лежала на рукоятке меча. Увидев девочку, он расслабился.

— Ты рано встала, Вирсавия. Не далеко ли ты забралась?

Вирсавия подошла поближе к Давиду, сердце ее стучало, как молот.

— Я пришла набрать воды.

— Боюсь, у тебя ничего не получится.

— Почему?

Давид улыбнулся:

— У тебя нет кувшина.

Краска смущения залила щеки Вирсавии. Давид посчитал разговор оконченным и отвернулся от нее, тогда, собрав все свое мужество, Вирсавия быстро произнесла:

— Я пришла сюда, чтобы поговорить с тобой, Давид.

Он обернулся и посмотрел на девочку.

— Тебе не следует так далеко уходить от своих родителей. Это опасно. Возвращайся в свой шатер.

— Но...

— Ты знаешь, что твоя мать будет недовольна тем, что ты так далеко забрела. Не думаю, что ты будешь рада, если ей во второй раз придется искать тебя.

Подавленная его замечанием, Вирсавия взбежала вверх по склону, нырнула за камни и тяжело опустилась на землю. Дрожа, она прижала к горящим щекам холодные ладони. Затем, затаив дыхание, выглянула из-за своего укрытия. Давид по-прежнему стоял возле потока, упершись руками в бока.

— Возвращайся домой, пока не обнаружили твое отсутствие! И больше не уходи из лагеря без разрешения!

Глотая слезы, Вирсавия вскарабкалась наверх и бегом бросилась к отцовскому шатру, радуясь, что все еще спали и никто не видел ее слез и не спрашивал об их причине.

Пришло сообщение, что филистимляне собираются выступить против Саула. Отец и дедушка Вирсавии разложили свои доспехи и оружие. Девочка помогала матери готовить для них лепешки с изюмом и жареные зерна. Мать, как это было всегда перед уходом мужчин, молчала. Молчала и Вирсавия, прислушиваясь к разговору отца и деда.

— Мы выступим завтра и присоединимся к филистимлянам, — говорил дедушка.

Вирсавия вспомнила план, который она подслушала, когда его излагал Давид. Его люди только притворятся, что помогают филистимлянам. А в действительности они будут ждать возможности помочь царю Саулу разбить армию филистимлян.

— Конечно, они заподозрят, что предложение Давида всего лишь притворство, — напряженно проговорил отец. — Только по милости Божьей в эти последние годы нас не захватили гессуряне и амаликитяне.

— Мы тщательно рассчитывали наши набеги и никого не оставляли в живых.

— Молва распространяется...

— Давид хочет помочь Саулу. Если филистимляне откажутся от нашей помощи, то мы ничего не сможем сделать для него.

— Судьба Саула в руках Божьих, а я не хочу оставлять наших женщин и детей абсолютно незащищенными.

На следующее утро, когда встало солнце, Вирсавия наблюдала, как ее отец и дедушка вместе с Давидом покидали стан. Как только они скрылись из виду, мать вошла в шатер и расплакалась. Однако она быстро взяла себя в руки. Она села в тени шатра и начала чесать шерсть, а Вирсавию отправила пасти овец.

На следующий день после ухода мужчин Вирсавия несла домой воду, когда вдруг услышала крики и вопли. Уронив мех, она взбежала на берег. В их стан ворвались амаликитяне, женщины разбежались в разные стороны, хватая по дороге своих детей. Беззащитные, они быстро были окружены, как рассеявшееся стадо.

Вирсавия увидела, как какой-то мужчина сбил с ног ее мать и пытался связать ее. Девочка пронзительно закричала и в ярости бросилась к нему. Прыгнув воину на спину, она царапала ему лицо, тянула за волосы.

— Отпусти мою маму! Отпусти!!!

Со свирепым криком мужчина схватил Вирсавию за волосы и сбросил со своих плеч. Девочка больно ударилась о землю. Ловя ртом воздух, Вирсавия встала на колени, опираясь о землю руками, но кто-то захлестнул вокруг ее шеи веревку. Перевернувшись, она схватилась руками за веревку и ударила мужчину ногой. Он издал тяжелый стон и согнулся, лицо его побледнело, а один из его товарищей насмешливо закричал ему:

— Эта блоха слишком велика, чтобы ты мог справиться с ней?

Разъяренный амаликитянин с силой дернул за веревку. Когда Вирсавия начала задыхаться, он поднял ее за руку и начал яростно трясти.

— Еще раз выкинешь такое, и я замучаю тебя до смерти!

И швырнул ее в толпу женщин и детей.

Мать, рыдая, быстро развязала веревку и крепко прижала дочь к себе.

— Вирсавия. О, Вирсавия!

Девочка сильно закашлялась, она стояла жалкая и совершенно измученная, ей было больно дышать.

— Давид, — прохрипела Вирсавия.

Но мать быстро зажала ей рот рукой и шикнула на нее. Никогда прежде Вирсавия не видела в материнских глазах столько страха.

Стражник повернулся в их сторону.

— Молчать.

Женщин и детей постарше связали и повели прочь. Маленьких детей несли на руках. Пленники и отряд налетчиков шли уже несколько часов. Полуденный зной измучил женщин и детей, которым дали ровно столько воды, чтобы они могли только передвигать ноги. Они остановились, когда начало садиться солнце. Большинство женщин очень ослабели и не в состоянии были даже жаловаться. Каждому пленнику дали по горсти сушеных зерен.

Вирсавия с жадностью все съела, но живот по-прежнему сводило от голода. От веревки на шее остался синяк. Было больно глотать. Ноги гудели после долгого перехода по каменистой пыльной дороге. Все тело ныло. На небе появились луна и звезды, стало быстро холодать. Вирсавия заплакала, мать прижала ее к себе, согревая теплом своего тела.

— Я боюсь, мама, — прошептала Вирсавия.

Мать убрала волосы с ее лица, обгоревшего на солнце.

— Плакать бесполезно. Мы должны беречь силы, чтобы быть готовыми ко всему, что ждет нас впереди.

— Давид будет искать нас, да, мама?

— Мы будем молиться, чтобы он и твой отец побыстрее вернулись.

Она крепче прижала к себе дочь. Вирсавия чувствовала, как дрожит мать, и больше ни о чем не спрашивала.

— Молись, моя девочка. Горячо молись.

И Вирсавия молилась. *Давид, о, Давид, приди и найди нас. Приди и спаси нас!*

Амаликитяне торопили женщин, они хотели как можно быстрее продать их в рабство. Женщины и дети, измученные дневным переходом, к ночи валились с ног и были слишком измотаны, чтобы вызывать тревогу у своих захватчиков. На третью ночь они были оставлены несвязанными, мужчины сидели вокруг костра, пили и веселились. Пленников никто не охранял. После многих миль пути в этом не было никакой необходимости.

Когда на третий день поднялось, а потом зашло солнце, исчезла последняя надежда.

* * *

Вирсавия проснулась от шума. Кругом все кричали. Растерянная и испуганная, она попыталась встать, но мать остановила ее.

— Лежи! — прикрикнула она на дочь.

Амаликитянин рядом с ними схватился за меч, мать потащила Вирсавию подальше от него. Вдруг мужчина с воплем упал на спину, через мгновение ему отрубили руку, а потом голову. Вирсавия с ужасом уставилась на нападавшего воина, который перепрыгнул через безжизненное тело. Урия, друг ее отца! Издав боевой клич, он атаковал врага. Если Урия здесь, то, конечно, ее отец с дедушкой тоже.

— Отец! — закричала Вирсавия. — Отец!

Амаликитяне отступали, пытались бежать, но отцы, мужья, братья пленниц, движимые чувством мести, безо всякой пощады убивали их. Вирсавия видела, как Еффей, гефянин, разрубил от плеча до пояса мужчину, который накинул ей на шею веревку. Шум боя был устрашающим. Израильтяне кричали от ярости, амаликитяне — от страха. Вирсавия, съежившись, сидела рядом с матерью. Воздух был наполнен лязганьем мечей.

И вдруг стало тихо. Бой закончился так же быстро, как и начался. Окровавленные и изуродованные тела амаликитян лежали по всему лагерю. Однако не менее страшно выглядели мужчины, стоявшие в грязной и разорванной одежде и державшие в своих руках оружие, с которого капала кровь.

Вирсавия услышала крик Давида:

— Ахиноама, Авигея!

Вирсавия

Другие тоже звали своих жен и детей.

— Здесь! Я здесь! — отзывались женщины.

Все были в смятении.

— Елиам! — воскликнула мать Вирсавии. Отпустив дочку, она бросилась в объятия мужа и разрыдалась у него на груди.

— Вирсавия, — произнес отец хриплым голосом и протянул к девочке руки, но та не могла пошевелиться, глядя на отца: он был весь в крови. Глаза его горели, он казался ей чужим человеком.

— Подойди ко мне, доченька, — сказал он мягче, все еще тяжело дыша. — Подойди ко мне. Я не обижу тебя.

Девочка огляделась по сторонам и увидела следы жестокой бойни. Ее зазнобило.

Неожиданно появился Ахитофел, он взял внучку на руки и прижал к себе.

— Ты спасена, мой маленький цветочек.

Из-за его плеча Вирсавия увидела Давида, разговаривающего с Авигеей и Ахиноамой. Когда дедушка опустил ее на землю, она не смогла уследить, куда пошел Давид. Ахитофел положил руку ей на плечо, удерживая ее рядом с собой.

— Война всегда страшнее всего для детей, — сказал он сурово.

— Я уже и не надеялась, что ты найдешь нас, — всхлипывала мать, все еще обнимая мужа. — О, Елиам, ты гордился бы своей дочерью.

Она рассказала ему все, что случилось, начиная с того дня, когда амаликитяне напали на их стан.

Вирсавия попыталась успокоиться, но у нее перед глазами по-прежнему стояла кровавая картина. Ее знобило, она никак не могла унять дрожь. Теперь девочка поняла, почему мама плачет каждый раз, когда отец покидает стан вместе с Давидом.

— Филистимляне отказались от нашей помощи, — сказал отец. — Если бы не это, мы не смогли бы так быстро нагнать вас.

Мать нахмурилась.

— А что с Саулом? — спросила она.

— Армия филистимлян была больше его войска.

— Что будет делать Давид?

— Единственное, что он может сделать, — это ничего не делать.

На обратном пути в стан некоторые мужчины спорили по поводу дележа добычи, которую они захватили в лагере амаликитян. Они не хотели делиться с теми, кто отказался переправляться через реку и не дрался с амаликитянами. Давид приказал, чтобы добыча была поделена поровну между всеми, а старейшинам израильских городов были отправлены дары.

Народ подчинился, но не без ропота.

* * *

В стан Давида пришел амаликитянин с вестью о поражении израильтян. Вирсавия слышала, как он говорил Давиду о том, что Саул и его сын были убиты

филистимлянами на горе Гелвуге. Их тела были повешены на стене Беф-Сана, а оружие Саула положено в капище Астарты. Когда вестник приблизился к Давиду и протянул руку, среди людей Давида, стоявших рядом и наблюдавших за происходящим, послышался ропот. Амаликитянин широко и торжествующе улыбнулся — он предлагал Давиду царский венец Саула.

Давид взглянул на него и затрясся от гнева. Вирсавия удивилась, что он так рассердился. Давид взял венец.

— Почему ты уверен, что Саул и Ионафан мертвы? — спросил он.

Глаза амаликитянина вспыхнули. Вероятно, он почувствовал в тоне Давида что-то злое.

— Мне случилось быть на горе Гелвуге, — ответил он. — Я видел, как Саул упал на свое копьё, а вражеские колесницы почти настигли его. Когда он повернулся и увидел меня, он попросил меня подойти к нему. Я спросил: «Чем я могу помочь тебе?» А он сказал: «Кто ты?» Я ответил: «Амаликитянин». Тогда он приказал мне: «Подойди ко мне и избавь меня от мучений, тоска смертная объяла меня, я хочу умереть». И я убил его, — рассказывал амаликитянин Давиду, — я понял, что он не смог бы выжить. Потом я взял его венец и один из его браслетов и принес тебе, мой господин.

Даже со своего места Вирсавия увидела, как кровь отлила от лица Давида.

— И ты не побоялся убить помазанника Божьего? — закричал он.

Амаликитянин отпрянул от него. Давид приказал одному из своих людей:

— Убей его!

И воин вонзил свой меч в амаликитянина.

— Кровь царя на голове твоей! — сказал Давид пронзенному мечом амаликитянину. — Ты сам свидетельствовал, что убил помазанника Господня.

Давид вытащил меч из раны, и воин рухнул на землю.

Давид, видимо, почувствовал на себе взгляды собравшихся людей, он медленно оглядел стоявших в безмолвии и внимательно наблюдавших за ним мужчин, женщин, детей. Вирсавии хотелось понять, что мучит его, и разделить его горе. Давид не мог больше сдерживать свои чувства и закричал:

— Краса твоя, о, Израиль, поражена на высотах твоих! Как пали сильные! О, царь Саул! — он зарыдал, выронил меч и обхватил голову руками. — О, Ионафан, Ионафан, брат мой!

Весь стан разделил горе Давида и оплакивал смерть царя Саула и лучшего друга Давида, Ионафана. Давид запел песнь в память об умерших, напоминая народу о тех добрых временах, когда Саул любил Господа и служил Ему.

Когда закончились дни плача, Давид подчинился Богу и пошел со своим войском в Хеврон.

В Хевроне Вирсавия была на свадьбе Давида и Маахи. За прошедшие годы она видела, как он женился на Аггифе, Авитале и Эгле. С каждым браком, как она слышала, Давид заключал очень важные для него договоры. Ему необходимы были союзники, потому что, несмотря на смерть Саула, род Саула продолжал вести войну против Давида. Вирсавия часто слышала, как Ахитофел говорил: «Давид любит красивых женщин». Ахиноама родила ему Амнона, Авигея — Далуиа, а Мааха — Авессалома.

От Авенира, военачальника Иевосфея, сына Саулова, пришли послы с предложением заключить перемирие. Дедушка Вирсавии посоветовал Давиду быть осторожным и испытать искренность Авенира. Поэтому Давид велел послам сказать Авениру, что он заключит с ним перемирие только после того, как ему вернут его первую жену — Мелхолу, дочь Саула.

— Он, должно быть, очень любит ее, — сказала Вирсавия матери, когда узнала об этом условии Давида.

Даже повзрослев, она не могла смотреть на Давида без внутреннего трепета. Однако она стала более рассудительной, чем когда-то в детстве. Вирсавия оставила фантазии о браке с мужчиной своей мечты.

Мать покачала головой.

— Любовь здесь ни при чем. Давиду должно быть возвращено то, что принадлежит ему по праву. Он возьмет Мелхолу в свой дом, но у нее никогда не будет детей.

— Все его жены родили ему детей. И у нее будут дети.

— Твой дедушка не посоветует ему этого. Мелхола виновна в прелюбодеянии. Несколько лет назад, когда ты была еще ребенком, царь Саул отдал ее другому мужчине. Кроме того, следует ли Давиду рожать ребенка, чтобы восстановить дом Саула? Да не будет этого никогда! Давид прислушается к совету твоего дедушки. Он будет содержать Мелхолу, защищать ее, но уже никогда не прикоснется к ней.

Вирсавия почувствовала жалость к этой женщине.

— Было бы лучше оставить ее у того мужчины.

И у Давида было бы на одну жену меньше, меньше на одну красавицу.

— Возможно, — тихо произнесла мать. — Я слышала, что тот мужчина долго, с плачем и воплями, шел за Мелхой. Авениру пришлось прогнать его. Но Давид — царь. Он необыкновенный человек.

— Даже если бы он не был царем, никто не называл бы его обыкновенным человеком.

Мать строго посмотрела на дочь. Вирсавия улыбнулась.

— Не беспокойся, матушка. Я знаю, что я всего лишь дочь простого воина.

Что-то промелькнуло в материнских глазах. Вирсавия отвернулась и спросила:

— Если Давид никогда не будет иметь детей от Мелхолы, то почему так важно, чтобы она вернулась к нему?

— Он должен доказать свою силу. Царь, который не может удержать своих жен, не сможет удержать и царство.

Вирсавия знала, что Давид был достаточно сильным человеком. А если ему недостает в чем-то силы, то Бог поможет ему. Вирсавия посмотрела на отцовский шатер.

— Ты думаешь, Мелхола любит его?

— Когда-то любила. Она даже спасла жизнь Давиду. Но это было давно.

— А я не думаю, что он еще любит ее. Не думаю, что Давид всем сердцем любил какую-нибудь одну женщину.

— О, моя дорогая, — с тяжелым вздохом произнесла мать, — для женщины гораздо разумнее любить бедняка, который может позволить себе только одну жену.

Вирсавия почувствовала, как комок подступил к горлу и, пока ее мать подходила к ней и разворачивала ее к себе, успела вытереть слезы.

— Месяц назад ты стала женщиной. Я разговаривала с твоим отцом, и он сказал мне, что кое-кто уже говорил с ним относительно тебя.

Сердце девушки тревожно забилося.

— Кто?

Мать улыбнулась.

— Хороший человек. Сильный.

— Кто он?

— Я не хотела говорить тебе, пока все не устроится, но когда это произойдет, у тебя будет муж, которого ты сможешь уважать.

— Уважать, но не любить.

— Со временем и полюбишь. Если тыпустишь его в свое сердце.

Дед и отец Вирсавии приняли дары от Урии, хеттеянина, и обо всем договорились. Ее мать, пытаясь ободрить дочку, объясняла ей, почему они выбрали именно его. Урия однажды спас ее отца на поле боя, он был одним из тридцати избранных мужей Давида, в трудные времена Урия показал себя отважным и надежным человеком. Ахитофел видел, как Урия бесстрашно бросался в самый жаркий бой, чтобы защитить Давида. Его все уважали, все восхищались им и, кроме того, он был другом царя. Такой мужчина был способен защитить и обеспечить Вирсавию и их будущих детей.

— Он мужественный и преданный, Вирсавия. Он мудро распоряжается своим имуществом. В отличие от других, Урия сохранил добычу, захваченную в боях с филистимлянами и амаликитянами.

— Но он намного старше меня!

Мать заглянула дочери в глаза.

— Он всего лишь на год старше Давида.

Вирсавия тяжело опустилась на скамейку и, закрыв лицо руками, расплакалась, почувствовав свою беспомощность. Она была женщиной, хотя и совсем

юной, и не имела права голоса. Не она решала, за кого ей выходить замуж. В душе Вирсавия всегда знала, что Давид был недостижим для нее, как звезды на небе. Она была всего лишь обыкновенным глупым ребенком, лелеявшим свои мечты, но, о, как больно было терять их. Несколько лет назад Давид был избран Богом и помазан Самуилом на царство. Кто она такая, чтобы думать, будто она достойна стать женой Давида или хотя бы его наложницей? Какое несчастье любить царя!

— Если бы Давид был обычным пастухом...

Мать топнула ногой.

— *Хватит говорить глупости!* Я не желаю, чтобы моя дочь вела себя, как эгоистичный ребенок! Ты должна благодарить Бога за то, что Давид не простой пастух! Что было бы сейчас с нами, если бы Давид не оставил пастбища и стада своего отца? Даже если бы ты была царской дочерью и была бы достойна стать женой Давида, то что из того? Ты смогла бы терпеть то, что он берет все больше и больше жен и наложниц? Царь должен создать сильный дом и сохранить свое царство. Тебе пришлось бы забыть о своих желаниях и мечтах ради народа, который надеется на Давида, — мать крепко схватила Вирсавию за плечи. — Твой отец выбрал для тебя прекрасного мужа. Урия — добрый и благородный человек, ты будешь у него *единственной* женой. Давид ни разу не взглянул на тебя, а Урия смотрит на тебя так, как будто ты драгоценная жемчужина. Он будет дорожить тобой.

Вирсавия почувствовала угрызения совести.

— Я ничего не имею против Урии, матушка. Я только...

По ее лицу заструились слезы. Она знала, что продолжать спорить бесполезно. Разве могла она предотвратить неизбежное?

Мать внезапно разжала руки и отошла.

— Никто не думает, что ты безумно влюблена в Урию. Но если ты дашь ему шанс, то со временем сможешь полюбить его, — мать повернулась и посмотрела на дочь. — А пока ты *окажешь* Урии почтение и будешь покорной, как он того заслуживает по праву мужа. Если ты этого не сделаешь, я сама накажу тебя розгой!

Вирсавия подняла голову.

— Я выйду замуж за Урию, матушка, и окажу ему почтение и буду покорной. Но сердцу нельзя приказывать полюбить.

Всю жизнь, сколько она помнила себя, ее сердце и душа принадлежали Давиду. И она знала, что ничего не изменится, как бы ни требовали этого от нее другие.

* * *

Вирсавия не ожидала, что Давид придет на их свадьбу с Урией. Когда она увидела царя сквозь расшитую тонкую ткань покрывала, она чуть не заплакала от боли, понимая, что он пришел почтить сво-

его друга, ее жениха, а не посмотреть, как она выходит замуж.

По случаю брачной церемонии Урия был одет как царь. Но несмотря на богатство его наряда жених Вирсавии проигрывал в сравнении с истинным господином ее сердца, который был одет в простую тунику и обут в кожаные сандалии. Давид затмевал всех мужчин, участвовавших в церемонии! Хотя он возложил на голову Урии брачный венец, тот все-таки не мог сравниться с царем. Благородная внешность Давида выдавала занимаемое им положение в обществе. Никто не был столь красив и грациозен. Никто не мог превзойти его в пении и танцах. Никто не обладал большей властью, и ни у кого не было столь смиренного и нежного сердца. Давид не требовал от людей особого обращения к себе, но все любили и почитали его. Бог во всем благословил его.

Брачный пир продолжался. Для Вирсавии же все происходило как в тумане. Она почувствовала облегчение, когда Урия оставил ее, чтобы поприветствовать Давида. Они смеялись и пили вино из одного кубка, а она, сидя на возвышении, наблюдала за ними. Именно Давид отправил Урию опять к ней. Именно Давид взял кувшин и наполнил вином кубки молодоженов. Принимая кубок от царя, Вирсавия слегка коснулась его руки и увидела в его глазах удивление. Неужели он посчитал ее дерзкой?

— Урия, да благословит Господь твой дом многими детьми, — громко произнес Давид, чтобы каждый мог услышать его пожелание.

Он высоко поднял свой кубок. Вирсавия робко посмотрела в сторону царя и встретилась взглядом с ним. На какое-то мгновение ей показалось, что в его отношении к ней что-то изменилось. Вирсавию бросило в жар.

— И, — продолжал царь, — пусть все твои сыновья и дочери будут похожи на твою невесту.

Отпивая вино маленькими глотками, он смотрел на Вирсавию, и глаза его странно потемнели — он смутился. Вокруг все засмеялись, и Урия вместе с ними. Давид прищурился, а потом тоже рассмеялся, похлопывая Урию по плечу и что-то говоря ему, но в шумe Вирсавия не расслышала слов царя. Урия в ответ кивнул Давиду и с гордостью посмотрел на свою невесту, глаза жениха сияли. Давид снова встретился взглядом с Вирсавией, и внутри у нее все задрожало от волнения. Это был страшный и сладостный миг. Когда Урия смотрел на нее, она не чувствовала никакого волнения. Но взгляд Давида заставил девушку покраснеть, а ее сердце учащенно забиться. Вирсавия опустила глаза, напуганная силою чувства, захлестнувшего ее. Она осторожно оглянулась, не заметил ли кто ее волнение. Она вся трепетала. В страхе Вирсавия посмотрела на мать, но та беззаботно пела и танцевала с другими женщинами, а ее дед и отец веселились вместе с мужчинами.

Робко повернув голову в сторону Давида, Вирсавия снова натолкнулась на его взгляд. Она испытала

Вирсавия

глубокое потрясение, потому что инстинктивно поняла значение этого взгляда. Отчаяние охватило ее.

Почему сейчас, когда уже слишком поздно, ты смотришь на меня, как на женщину? Почему месяц назад ты не заметил, что я изменилась?

Пришел Урия и сел рядом с невестой на возвышении. Он взял ее руку и поцеловал, его глаза сияли от гордости и от слишком большого количества выпитого вина.

— Я благословен между мужами, — произнес он невнятно. — Здесь нет ни одного мужчины, включая царя, который не завидовал бы тому, что у меня такая красивая невеста.

В ответ Вирсавия робко улыбнулась жениху смущенная его пылким признанием.

Брачный пир все еще продолжался, но Вирсавия чувствовала себя усталой: сказывалось эмоциональное напряжение. Она заставляла себя улыбаться, пока у нее не заболели щеки. Она притворялась счастливой, делала вид, что не погружается в море скорби. Давид еще два раза посмотрел на нее. И она два раза ответила на его взгляд, борясь со слезами. Он каждый раз быстро отводил глаза в сторону, как будто спохватывался, что делает что-то неприличное. И это заставляло Вирсавию страдать еще больше.

О, Давид, Давид, какая я несчастная женщина. Я люблю тебя! Я всегда буду любить тебя. Ты помнишь, как я пришла к тебе к потоку Ен-Гадди и смотрела, как ты

молишься? Тогда я была всего лишь ребенком, но любовь захватила меня и до сих пор крепко держит в своих тисках. Ничто не убьет ее. А теперь я замужем за человеком, которого не могу полюбить, потому что давно отдала свое сердце тебе!

Когда Давид ушел, Вирсавия была почти рада этому.

Урия был воином, закаленным в битвах с филистимлянами, амаликитянами и с царем Саулом, и Вирсавия с удивлением обнаружила, что он был добр и нежен.

— Я ничего не знаю о женщинах, Вирсавия, — признался он своей жене. — Всю свою жизнь я провел в боях на стороне Давида и в подготовках к сражениям. И моя жизнь не изменится. Ты должна знать, что я всегда буду предан Давиду, ибо он помазанник Божий. Но я обещаю, что буду заботиться о тебе. И если со мной что-нибудь случится, у тебя будет кров над головой и пища.

Его руки, которым часто приходилось держать меч, были мозолистыми, и Вирсавия вздрогнула от его прикосновения.

— Не плачь, дорогая, пожалуйста.

Она плакала потому, что у нее не осталось любви для Урии, который заслуживал ее.

Вирсавия

Прошел месяц, Вирсавия оставила свои мечты о Давиде и добросовестно исполняла обязанности замужней женщины. Она носила воду, стирала, готовила, чистила и чесала шерсть, ткала и шила одежду для своего мужа. Она делала все, что было в ее силах, чтобы жизнь ее мужа была приятной и спокойной. И хотя Вирсавия уважала его, она все-таки не могла *заставить* себя полюбить его.

Урия много времени проводил с другими храбрыми воинами, он обучал солдат Давида, спорил и разговаривал с военачальниками, строил планы до самой ночи. Иногда он приглашал своих друзей домой. Урия велел жене закрывать лицо, чтобы приходившие в дом мужчины не разглядывали ее, когда она прислуживала им. Также он велел Вирсавии закрывать лицо, когда она выходила на улицу.

— В войске Давида много грубых мужчин, которые относятся к женщинам без должного почтения, — так Урия объяснял жене свое требование.

— Я всю жизнь общалась с такими мужчинами, Урия. Никто раньше не обижал меня, — возражала ему Вирсавия.

— Раньше ты была ребенком. А теперь — молодая красивая женщина. Кроме того, ты — моя жена. Слушайся меня, — Урия взял Вирсавию за подбородок и заглянул ей в глаза. — Мудрее избегать опасностей.

Когда Урия и другие воины ели и пили у них дома, они много говорили, и, слушая их, Вирсавия узнавала, что происходило в Ханаане. Она быстро узнала о том, что Иоав,

военачальник армии Давида, движимый мстью, убил человека. Она слышала, как разгневался Давид, и как он оплакивал убитого. Она видела, как Давид публично осудил Иоава за совершенное им зло. Вирсавия боялась за Давида, потому что Иоав был могущественным человеком и к тому же гордым. Почему Давид оставил его начальником над всей своей армией?

Давида не в чем было упрекнуть, но скоро другие новости изменили жизнь Вирсавии. Был убит Иевосфей, сын Саула и наследник престола израильского. Люди, принешие весть об этом предательском убийстве, думали, что Давид будет рад устранению своего соперника. Теперь ему был открыт путь к престолу царя над всем Израилем! Вестники даже принесли голову убитого в доказательство совершенного ими грязного дела. Давид же, вместо того чтобы наградить их, казнил их. Он приказал отсечь им руки и ноги, а тела повесить над прудом в Хевроне.

Многие из мужчин, которых приводил Урия, были сильными и горячими людьми и лучше чувствовали себя в бою, чем в мирное время. В доме Вирсавии постоянно шла речь о заговорах против Давида. Почему в мире было столько жестокости? И если Давид когда-нибудь будет помазан на царство, то не найдутся ли люди, которые захотят убить его точно так же, как убили Саула и Иевосфея?

Вирсавия часто вспоминала слова матери: *«Жизнь царей никогда не бывает легкой... Лучше любить*

простого человека...» Нелегко быть женой воина, потому что в ожидании новостей об исходе то одного, то другого сражения не знаешь, останешься ты бездетной вдовой или нет.

— Я тоже каждый день боюсь, думая, не потеряю ли я твоего отца, — соглашалась с Вирсавией мать, когда они разговаривали возле колодца.

Что будет с домом Урии, если он умрет сейчас? У Вирсавии не было детей, но не потому, что они не хотели. Она спрашивала себя, не разочаровался ли в ней муж, но если бы это было так, то она заметила бы. Прошло два года после брачного пира, а Урия по-прежнему был очень добр к ней.

В Хевроне собрались все колена израильские, они явились перед Давидом и провозгласили его помазанником Божьим.

— Все мы — плоть твоя, — сказал Давиду первосвященник перед всем народом. — Еще во времена Саула ты был истинным вождем Израиля. И Господь сказал тебе: «Ты будешь пасти народ Мой, Израиля. Ты будешь вождем Израиля».

Сердце Вирсавии исполнилось гордости, когда она вместе со всеми наблюдала, как Давид заключил завет с народом и был помазан на царство. Ему было всего тридцать лет, однако старейшины всех колен поклонились ему. Рядом с Давидом стоял Урия, как один из его телохранителей, он воздевал к небу руки и восторженно кричал.

Потом Давид повел свое войско на войну, и Урия ушел вместе с ним.

* * *

Вирсавия, как и другие жены, с нетерпением ждала вестей о битве за Сион, и когда исход боя стал известен, кричала вместе со всеми от радости.

— Они взяли Иерусалим!

Но ни Давид, ни Урия не пришли в Хеврон. Вместо этого они прислали отряд воинов, который должен был привести их семьи в отвоеванную крепость. Вокруг города Давида, Сиона, началось строительство оборонительных сооружений. Были воздвигнуты стены крепости. Хирам, царь Тира, прислал кедровые деревья, плотников и каменотесов, которые должны были построить дворец для Давида. Урия выбрал себе каменный дом рядом с дворцом.

Однако мир длился недолго. Филистимляне собрали армию, чтобы выступить против Давида, и заняли всю долину Рефаим. И снова Урия был призван на войну. На этот раз Вирсавия плакала, потому что теперь она очень переживала за своего мужа.

— Не беспокойся обо мне. Господь с нами! — было его прощальное наставление. Но его слова не утешили Вирсавию. У нее не было сына, который продолжил бы род Урии и позаботился бы о ее старости.

Пришло сообщение о поражении филистимлян при Ваал-Перциме. Когда Урия вернулся домой и принес с собой идола, Вирсавия запротестовала. Впервые за все время своего замужества она осмелилась

Вирсавия

спорить с мужем. Но Вирсавия знала, как были отвратительны Богу идола.

— Неужели Господу будет приятно знать, что ты поставил в нашем доме эту мерзость?

— Эта вещь ничего не значит. Все что-то принесли с поля боя. Это память о нашей победе, и ничего больше.

— Давид обычно не приносит в *свой* дом ничего нечистого. Ты должен уничтожить этого идола!

Глаза Урии потемнели от непомерной гордости воина-победителя.

— Не смей говорить мне, что я должен делать! Чего ты боишься, женщина? Это всего лишь глина. Разве он спас человека, которому принадлежал?

— Это мерзость, Урия!

Он отшвырнул свои доспехи и свирепо посмотрел на жену.

— Ты думаешь, я не знаю, что существует только один Бог? Именно Господь дает Давиду победу во всем! Ты оставишь этого идола там, где он стоит, как память о битве, в которой я участвовал рядом со своим царем и в которой помог ему победить!

Устыдившись своего столь горячего выступления, Вирсавия замолчала и больше не произнесла ни слова.

Филистимляне собрали новую армию, и Урия снова был призван на войну. Угроза набегов филистимлян была подобна незаживающей язве. Господь снова даровал Давиду победу, и филистимляне были разбиты от Гаваи до Гезера. Однако Вирсавия знала, что войне не будет конца. Муж-

чины, кажется, очень любили воевать. А Урия больше всех.

На этот раз, вернувшись с поля боя, Урия не пришел домой. Мать Вирсавии сказала ей, что Урия вместе с Давидом пошел в Ваал Иудин, чтобы перенести оттуда в Иерусалим Божий ковчег. Когда весть об их возвращении облетела весь стан, все женщины, в том числе и Вирсавия, вышли им навстречу и плакали от радости. Но при виде воинов радость женщин быстро угасла — они возвращались без ковчега. Давид ехал на своем муле, ни на кого не смотря. Его лицо, покрытое пылью, было сурово. Увидев Урию, Вирсавия зашагала по дороге рядом с ним. Над воинами витал дух поражения. Давид приказал своим людям разойтись и сам пошел домой, к своим женам.

Урия подошел к Вирсавии. Она никогда не видела его таким утомленным. Сняв с лица покрывало, Вирсавия заглянула мужу в глаза.

— Что случилось, Урия?

— Давид побоялся принести ковчег в Иерусалим.

— Давид никогда ничего не боялся.

Урия стиснул зубы. Он взял жену за руку и направился к дому.

— Он боится Бога, как и все мы. Оза, сын священника, умер. Он положил руку на ковчег, когда волы, перевозившие его, споткнулись, и Господь тут же по-

разил Озу. Я никогда не видел такой быстрой смерти, — Урия отпустил руку Вирсавии. — Он упал, как подкошенный, словно это молния поразила его.

— А где сейчас ковчег?

— В доме Аведдара, гефянина, он будет стоять там до тех пор, пока Господь не даст Давиду другое повеление.

Когда Урия вернулся, в их доме снова стало шумно. К нему часто приходили воины. Иногда они засиживались до поздна. Мужчины не могли заниматься ничем другим, кроме как обсуждать, как Бог благословляет дом Аведдара. Три месяца Давид слушал эти разговоры и в конце концов призвал своих храбрых мужей, чтобы идти за ковчегом. Среди них был и Урия.

* * *

Издалека донесся звук трубы и крики, возвещавшие о возвращении Давида и его людей. Женщины высыпали на улицу и побежали встречать процессию. Ликующая Вирсавия вместе со всеми спускалась по горной тропинке. Солнце освещало ковчег, и Вирсавия испытывала трепет при виде его. Через каждые шесть шагов мужчины, несшие ковчег, останавливались и ждали, пока Давид принесет в жертву откормленного тельца и овна. Звучали трубы. Давид плясал от радости. Мужчины, женщины и дети плакали и пели. Сняв верхние одежды, Давид шел в одной тунике впереди процессии. Народ смотрел на его ревность о Господе и разделял его радость. Мужчины воспевали одну

за другой песни хвалы Господу, а женщины плясали вместе с Давидом.

Тяжелые времена, наконец, прошли. Бог защищал Давида и во всем благословлял его! Народы не могли устоять против Давида, потому что на его стороне был Сам Господь Бог! Господь укрепил Давида и собрал вокруг него армию храбрых и сильных мужей, а теперь и ковчег завета будет стоять на горе, где когда-то Авраам был готов принести в жертву Богу своего единственного сына Исаака!

Сердце Вирсавии пело от радости. Она не могла спокойно стоять и смотреть. Если бы она не восклицала хвалу Богу и не плясала, то, наверное, сошла бы с ума. Плача и смеясь, она сдернула покрывало, подбросила его высоко над головой и, охваченная восторгом, закружилась.

* * *

Однако у ворот города затаился более сильный враг, чем тот, что окружил Израиль. Впереди было великое сражение, от которого зависела судьба народа. Но сражение это произойдет не в горах, не в долинах и не на равнинах Израиля, оно случится в пустыне человеческого сердца.

Содержание

Предисловие	5
Родословие Благодати	7
Место и время действия	9
Глава 1	11
Глава 2	53
Глава 3	93
Глава 4	117
Глава 5	151
Глава 6	197
Глава 7	219